

Михаил Салтыков-Щедрин

Пошехонская старина (1888)

Книга: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20 и т., Т. 7, М., 1975.
Год издания: 1979 г.
OCR: Pirat

Часть 9

VI. ДЕТИ. - ПО ПОВОДУ ПРЕДЫДУЩЕГО

И вот теперь, когда со всех сторон меня обступило старчество, я вспоминаю детские годы, и сердце мое невольно сжимается всякий раз, как я вижу детей. Пускай, впрочем, читатель не пугается: я не поведу его по этому поводу в область отвлеченностей и обобщений. Не стану, например, доказывать, что отношусь тревожно к детскому вопросу, потому что с разрешением его тесно связано благополучие или злополучие страны; не буду ссылаться на то, что мы с школьной скамьи научились писать в детях устроителей грядущих исторических судеб. Нет, я просто, без оличностей, говорю: мне жалъ детей, не ради каких-нибудь социалистических обобщений, а ради их самих.

Тем не менее, прошу читателя не думать, что я считаю отвлеченности и обобщения пустоорожною фразой. Нет, я верил и теперь верю и их живоносную силу; я всегда был убежден и теперь не потерял убеждения, что только с их помощью человеческая жизнь может получить правильные и прочные устои. Формулированию этой истины была посвящена лучшая часть моей жизненной деятельности, всего моего существа. "Не погрязайте в подробностях настоящего, - говорил и писал я, - не воспитывайте в себе идеалы будущего; ибо это своего рода солнечные лучи, без оживотворяющего действия которых земной шар обратился бы в камень. Не давайте окаменеть и сердцам вашим, взглядывайтесь часто и пристально в светящиеся точки, которые мерцают в перспективах будущего. Только недальновзорким умам эти точки кажутся беспочвенными и оторванными от действительности; в сущности же они представляют собой не отрицание прошлого и настоящего, а результат всего лучшего и человеческого, завещанного первым и вырабатывающегося в последнем. Разница заключается только в том, что, создавая идеалы будущего, просветленная мысль отсекает все злые и темные стороны, под игом которых изнывало и изнывает человечество".

К сожалению, уветы мои были голосом вопиющего в пустыне. Конечно, прорывались минуты, когда мне казалось, что общество вступает на стезю верований, - и сердце мое оживлялось. Но это было лишь кратковременное марево, которое немедленно же сменялось самою суровою действительностью. Умами снова овладевала "злоба дня", общество снова погрязало в бессодержательной суматохе; мрак сгущался и бессрочно одевал робкие лучи света, на мгновение озарившие жизнь. И, - кто знает, - может быть, недалеко время, когда самые скромные ссылки на идеалы будут возбуждать только ничем не стесняющийся смех...

Но возвращаясь к детям. Если дать веру общепризнанному мнению, то нет возраста более счастливого, нежели детский. Детство беспечно и не смущается мыслью о будущем. Ежели у него есть горе, то это горе детское; слезы - тоже детские; тревоги - мимолетные, которые даже формулировать с полною определенностью нельзя. Посмотрите на Гришу или Маню - их личики еще не обсохли от слез, как уже снова расцвели улыбкой. Посмотрите, как дети беззаботно и весело резвятся, всецело погруженные в свои насущные радости и даже не подозревая, что в окружающем их мире гнездится какое-то злое начало, которое подтачивает миллионы существований. Жизнь их течет, свободная и спокойная, в одних и тех же рамках, сегодня как вчера, но самое однообразие этих рамок не утомляет, потому что содержанием для них служит непрерывное душевное ликование. Все действия детей свидетельствуют о невозмутимом душевном равновесии, благодаря которому они мгновенно забывают о чутъ заметных горестях, встречающихся на их пути. Нужно только следить, чтобы развитие детей шло правильно; нужно оградить их от материальных опасностей и зачатков нравственных увлечений, которые могут повредить им в будущем. Эту задачу возьмет на себя разумная педагогика и выполнит ее так, что дети и не почувствуют тяготящей над ними ферулы.

Так гласит общепризнанное мнение. Так долгое время думал и я, забывая о своем личном опыте. Внешность оказывала на меня подкупающее действие. Беспечно резвиться, пребывать в неведении зла, ничего не провидеть даже в собственном будущем, всем существом отдаваться наслаждению насущной минутой - разве возможно представить себе более завидный удел? О, дети, дети! Какую благодарную, восприимчивую почву представляют их сердца для руководительства! Скажу им: нужно любить папеньку с маменькой - они любят; прикинут сида тетенок, дяденек, сестриц, братцев и даже православных христиан - они и их поманут в молитвах своих. Таковы несложные детские обязанности относительно присных и ближних, а рядом с ними преподается и житейские правила, столь же простые и удобные для восприятия. Резвиться, но не шуметь, за обедом сидеть прямо и не вмешиваться в разговоры старших; смотреть весело вообще и в особенности при гостях, и т. д. Какой родитель, не исключая самого заурядного, затруднится внедрить эти элементарные правила в восприимчивое детское сердце? И какое детское сердце не понесется навстречу таким небременительным правилам? А когда ребенок вступит в отроческий возраст и родителям покажется недосужно или затруднительно заниматься его воспитанием, то на место их появится разумная педагогика и напишет на порученной ей *tabula rasa* [дощечке] свои письмена. Она научит почитать старших, избегать общества неблагоприятных людей, вести себя скромно, не увлекаться вредными идеями и т. д. При помощи этих новых правил, сфера "воспитания" постепенно расширится, доведет до надлежащей мягкости восковое детское сердце и в то же время не дозволит червь сомнений заползти в тайники детской души.

Сомнения! - разве совместима речь о сомнениях с мыслью о вечно ликующих детях? Сомнения - ведь это отравляющее существование. Благодаря им человек впервые получает понятие о несправедливостях и тяготах жизни; с их вторжением он начинает сравнивать, анализировать не только свои собственные действия, но и поступки других. И горе, глубокое, неизбывное горе западает в его душу; за горем следует ропот, а отсюда только один шаг до озлобления... О, нет! ничего подобного, конечно, не допустят разумные педагоги. Они сохраняют детскую душу во всем ее неведении, во всей непечотности и оградят ее от злых вторжений. Мало того: они употребят все усилия, чтобы продлить детский возраст до крайних пределов, до той минуты, когда сама собой вторгнется всеразрушающая сила жизни и скажет: отныне начинается пора зрелости, пора искупления непечотности и неведения!

Повторяю: так долгое время думал я, вслед за общепризнанным мнением о привилегиях детского возраста. Но чем больше я углублялся в детский вопрос, чем чаще припоминалось мне мое личное прошлое и прошлое моей семьи, тем больше раскрывалась передо мной фальшь моих воззрений.

Прежде всего мне представилась мысль о необычайной интенсивной силе злополучия, разлитого в человеческом обществе. Злополучие так цепко хватается за все живущее, что только очень редкие индивидуумы ускользают от него, но и они, в большинстве случаев, пользуются незавидной репутацией простодушных людей. Куда вы ни оглянитесь, везде увидите присутствие злосчастности и массу людей, задыхающихся под игом его. Формы злосчастности разнообразны, разнообразна также степень сознательности, с которой переносит человек наступающее его иго, но обязательность последнего одинакова для всех. Неправильность и шаткость устоев, на которых зиждется общественный строй, - вот где кроется источник этой обязательности, и потому она не может миновать ни одного общественного слоя, ни одного возраста человеческой жизни. Пронизывая общество сверху донизу, она не оставляет вне своего влияния и детей.

Говорят: посмотрите, как дети беспечно и весело резвятся, - и откуда делают посылку к их счастью. Но ведь резвость, в сущности, только свидетельствует о потребности движения, свойственной молодому, ненадолженному организму. Это явление чисто физического порядка, которое не имеет ни малейшего влияния на будущую судьбу ребенка и которое, следовательно, можно совершенно свободно исключить из счета элементов, совокупность которых делает завидным детский удел.

Затем взгляните пристальнее в волнующуюся перед вами детскую среду, и вы без труда убедитесь, что не все дети резвятся, и что, во всяком случае, не все резвятся одинаково. Одни резвятся смело и искренно, как бы сознавая свое право на резвость; другие - резвятся робко, урывками, как будто возможность резвиться составляет для них нечто вроде милости; третьи, наконец, угрюмо прячутся в сторону и издалека наблюдают за играми сверстников, так что даже когда их случайно заставляют резвиться, то они делают это вяло и неумело. Но этого мало: вы убедитесь, что существует на свете целая масса детей, забытых, приниженных, оброшенных с самых пеленок.

Я знаю, что, в глазах многих, выводы, полученные мною из наблюдений над детьми, покажутся жестокими. На это я отвечаю, что ишу не утешительных (во что бы ни стало) выводов, а правды. И, во имя этой правды, иду даже далее и утверждаю, что из всех жребиев, выпавших на долю живых существ, нет жребия более злосчастного, нежели тот, который достался на долю детей.

Дети ничего не знают о качествах экспериментов, которые над ними совершаются, - такова общая формула детского существования. Они не вырабатывают ничего своего, что могло бы дать отпор попыткам извратить их природу. Коляя, по которой им предстоит идти, проложена произвольно и всего чаще представляет собой дело случая.

Не все родители обязательно опытные и разумные; не все педагоги настолько пронизательны, чтоб угадать природу ребенка, вверенного их воспитанию. По большей части ли этом деле господствует полное смешение, которое способно извратить даже наиболее счастливые одаренную детскую природу. Но, кроме случайности, детей преследует еще "система". Система представляет собой плод временного общественного настроения и на все живущее накладывает свою тяжелую руку. Она вырабатывает массу разнообразнейших жизненных формул, по большей части искусственных и удовлетворяющих исключительно взглядам и требованиям минуты. Дети в этом смысле составляют самую легкую добычу, которую она овладевает вполне безнаказанно, в полной уверенности, что восковое детское сердце всякую педагогическую затею примет без противодействия.

Припомните: разве история не была многократно свидетельницей мрачных и жестоких эпох, когда общество, гонимое паникой, перестает верить в освещающую силу знания и ищет спасения в невежестве? Когда мысль человеческая осуждается на бездействие, а действительное знание заменяется массой бесполезностей, которые отдают жизнь в жертву бессмысленности; когда идеалы меркнут, а на верования и убеждения налагается безусловный запрет?.. Где ручательство, что подобные эпохи не могут повториться и впредь?

Мучительно жить в такие эпохи, но у людей, уже вступивших на арену зрелой деятельности, есть, по крайней мере, то преимущество, что они сохраняют за собой право бороться и погибать. Это право избавит их от душевной пустоты и наполнит их сердца сознанием выполненного долга - долга не только перед самим собой, но и перед человечеством.

Это последнее сознание в особенности важно, ибо оно составляет не только преимущество, но и утешение. Для убежденной и верующей мысли представление о человечестве является отнюдь не отдаленным и индифферентным, как об этом гласит недальновидная "злоба дня". Нет, между первым и последнею существует неразрывная цепь, каждое звено которой обладает передаточною силой, доведенной до крайних пределов чуткости. С помощью этой цепи борьба настоящего неизбежно откликнется в тех глубинах, в которых таятся будущие судьбы человечества, и заронит в них плодотворное семя. Не все лучи света погибнут в перипетиях борьбы, но часть их прорезет мрак и даст исходную точку для грядущего обвлекания. Эта мысль заставляет усиленно биться сердца борборников правды и укрепляет его, необходимостью совершенного подвига. Ибо это воистину сладчайший из подвигов, и сознание, что он выполнен бодро и без колебаний, воистину может пролить утешение в поруганные и измученные сердца.

Никаким подобным преимуществом не пользуются дети. Они чужды всякого участия в личном жизнездании; они слепо следуют указаниям случайной руки и не знают, что эта рука сделает с ними. Следует ли она их к торжеству или к гибели; укрепит ли их настолько, чтобы они могли выдержать напор неизбежных сомнений, или отдаст их в жертву последним? Даже приобретает знания, нередко ценною мучительных усилий, они не отдадут себе отчета в том, действительно ли это знания, а бесполезности...

Как я упомянул выше, действительное назначение детей, как оно представлялось до сих пор, - это играть роль *apimae vilis* [низшего организма] для производства всякого рода воспитательных опытов.

Начните с родителей. Папаша желает, чтоб от Сережа шел по гражданской части; мамаша настаивает, чтоб он был офицером. Папаша говорит, что назначение человека - творить суд и расправу. Мамаша утверждает, что есть назначение еще более высокое - защищать отечество от врагов.

- А вот убьют его у тебя при первой же войне! - угрожает папаша.

- Не беспокойся, не убьют! Мы его тогда домой выпросим! - возражает мамаша.

Неумные эти разговоры, с незначительными видоизменениями, возобновляются беспрерывно в присутствии самого Сережи, который чутко вслушивается и колеблется, к какой стороне пристать. Но родители у него не промах. Они смекают, что настоять на своем они не могут иначе, как при содействии самого Сережи; и знают, как добиться этого содействия. Пускай он, хоть не понимая, скажет: "Ах, папаша! как бы мне хотелось быть прокурором, как дядя Коля!", или: "Ах, мамаша! когда я сделаюсь большой, у меня непременно будут на плечах такие же густые эполеты, как у дяди Паши, и такие же душевные усы!" Эти наивные пожелания неверное воздают свое действие на родительские решения.

- Вот видишь, он сам свое призвание чувствует! - молвит папаша.

- Ах, Serge, Serge! а что ты вчера говорил! об эполетах-то и позабыл? - укорит Сережу мамаша.

И вот, чтобы получить Сережино содействие, с обеих сторон употребляется давление. Со стороны папаши оно заключается в том, что он от времени до времени награждает Сережу тычками и говорит:

- Вот погоди ты у меня, офицер!

Со стороны мамашы давление имеет более привлекательные формы. Она прикармливает Сережу конфетками и подарками, приговаривая:

- Будешь, Сережа, офицером? да?

В конце концов мамаша побеждает; Сережа надевает офицерский мундир и, счастливый, самодовольный, мчитса в собственной пролетке и на собственном рысаке по Невскому.

Но очарование в наш расчетливый век проходит быстро. Через три-четыре года Сережа начинает задумываться и склоняется к мысли, что папаша был прав.

Да, в наши дни истинное назначение человека именно в том состоит, чтоб творить суд и расправу. Большинство Сережиных сверстников уже с успехом предается этой профессии. Митя Потанчиков - товарищ прокурора; Федя Стригунов - член окружного суда, а Макар Полудни даже чанеку быть вице-губернатором. А он, Сережа, все еще субалтерн-офицер. Он не может пожаловаться, что служба его идет tutto и что начальство равнодушно к нему, но есть что-то в самой избранной им карьере, что делает его жребий не вполне удовлетворительным. Внешние враги примолкли, слухи о близкой войне оказываются несостоятельными - следовательно, не предвидится и случая для покрытия себя славой. Притом же, слава славой, а что, ежели убьют?

- Ah, sacrrgrebleu! [Ах, черрт возьми!]

Остаются враги внутренние, но борьба с ними даже в отличие не вменяется. Как субалтерн-офицер, он не играет в этом деле никакой самостоятельной роли, а лишь следует указаниям того же Мити Потанчикова.

- Я с "ним" покаду разговаривать буду, - говорит Митя, - а ты тем временем постереги входы и выходы, и как только я дам знак, - сейчас хлоп!

Сереже становится горько. Потребность творить суд и расправу так широко развилась в обществе, что начинае подтачивать и его существование. Помилуйте! какой же он офицер! и здорье у него далеко не офицерское, да и совсем он не так храбр, чтобы лететь навстречу смерти, ради стажания лавров. Нет, надо как-нибудь это дело исправить! И вот он больше и больше избегает беседосований с мамашей и чаще и чаще совещается с папашей...

В одно прекрасное утро Сережа является домой в штатском платье. Мамаша падает в обморок, восклицая:

- Но я надеюсь, что ты, по крайней мере, будешь камер-юнкером!

- Мамаша! простите ли вы меня? - умоляет он, падая на колени.

Я знаю, что страдания и неудачи, описанные в сейчас приведенном примере, настолько малозначительны, что не могут считаться особенно убедительными. Но ведь дело не в силе страданий, а в том, что они падают на голову неожиданно, что взором их является слепой случай, не признающий никакой надобности вникать в природу воспитываемого и не встречающий со стороны последнего ни малейшего противодействия.

Гораздо более злостными оказываются последствия, которые влечет за собой "система". В этом случае детская жизнь подтачивается в самом корне, подтачивается безвозвратно и несправимо, потому что на помощь системе являются мастера своего дела - педагоги, которые служат ей не только за страх, но и за совесть.

В согласность ее требованиям, они ломают природу ребенка, погружают его душу в мрак, и ежели не всегда с полною откровенностью ратуют в пользу полного водворения невежества, то потому только, что у них есть подходящее средство обойти эту слишком крайнюю меру общественного спасения и заменить ее другою, не столь резко возмущающею человеческую совесть, но столь же действительною. Средство это, как я уже сказал выше, заключается в замене действительного знания массой бесполезностей, которыми издревле торгует педагогика.

Спрашивается: что могут делать родители, ставшие таким попыткам искалкого отпора, но сами идут навстречу своему злополучию и безропотно принимают удары, воплещающиеся на них со всех сторон. Больные, злосчастные дети!

И вот, погруженные в невежество, с бедными средствами бесполезностей, с единственным идеалом в душе: творить суд и расправу - они постепенно достигают возмужалости и наконец являются на арену деятельности. Нет у них мерила ни для оценки поступков, ни для различения добра от зла. Сердца их поражены преждевременною дряблостью, умы не согреты стремлением к добру и человечности; понятие о Правде отсутствует. Успех или неуспех в ловлении насущных потребностей минуты - вот что становится предметом их вождлений, вот что помогает им из дня в день влечь бесплодную жизнь.

В детском возрасте "система" пользовалась неведением детей, довести их умы до ограничения. Теперь, по мере возмужалости, та же система является единственною руководительницею всех их помыслов и поступков. Любоко следуя указаниям детской традиции, они все глуже и глуже погружаются в мрачные извилины случайного общественного настроения и становятся послушным орудием его жестоких велений. Возможные, они продолжают оставаться детьми, с тем же неведением, с тем отсутствием силы противодействия, которое могло бы помочь им разобраться в путанице преходящих явлений.

Бедные, злополучные дети! вот что готовит вам в будущем слепая случайность, и вот тот удел, который общепризнанное мнение называет счастливым!

Возвращая против изложенного выше, впрочем, очень возможны. Мне скажут, например, что я облачаю такие явления, на которых лежит обязательная печать фатализма. Нельзя же, в самом деле, вооружить ведением детей, коль скоро их возраст сама природою осужден на неведение. Нельзя возложить на них заботу об устройстве будущих их судеб, коль скоро они не обладают необходимо для этого умственными средствами.

Все это я отлично знаю и охотно со всем соглашаюсь. Но и за всем тем щетно стараюсь понять, где же тут элементы, на основании которых можно было бы вывести заключение о счастливом преимуществе детского возраста?

Правда, что дети не сознают, куда их ведут и что с ними делается, и это освобождает их от массы сердечных мук, которые истерзали бы их, если бы они обладали сознательностью. Но что же значит это временное облегчение в виду тех угроз, которыми чревато их будущее?

Вот почему я продолжаю утверждать, что, в абсолютном смысле, нет возраста более злополучного, нежели детский, и что общепризнанное мнение глубоко заблуждается, поддерживая противное. По моему мнению, это заблуждение вредное, потому что оно отуманивает общество и мешает ему взглянуть трезво на детский вопрос.

Затем, я вовсе не отрицаю существенной помощи, которую может оказать детям педагогика, но не могу примириться с тем педагогическим произволом, который, нагромождая систему на систему, ставит последние в зависимость от случайных настроений минуты. Педагогика должна быть прежде всего независимой; ее назначение - воспитывать в нарождающихся отпрысках человечества идеалы будущего, а не подчинять их смуте настоящего. Ибо, повторяю: бывают эпохи, когда общество, гонимое паникой, отвергается от знания и ищет спасения в невежестве. Ужели подобная задача, поставленная прямо или под каким бы то ни было прикрытием, может приличествовать педагогике?